

Громыко М. М.

МЕСТО СЕЛЬСКОЙ (ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ, СОСЕДСКОЙ) ОБЩИНЫ В СОЦИАЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ, ХРАНЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ

На современном этапе этнографических исследований представляется существенным обращение к выяснению системы средств, при помощи которой реализуются формирование и передача традиций. Задача эта ни в коей мере не противопоставляется изучению духовной и материальной культуры этносов, но предполагает органичную связь всех указанных направлений поиска.

В ходе дискуссии 1981 г.¹ традиция рассматривалась как выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной передачи воспроизводится и аккумулируется в различных человеческих коллективах. При подведении итогов дискуссии подчеркивалась необходимость стимулирования «исследовательских усилий для комплексного, системного постижения механизма аккумуляции, трансформации и трансмиссии социального опыта человеческих общностей»². Как именно осуществляется социальная организация стереотипов группового опыта? Как происходит пространственная и временная передача его? Стремление изучить систему средств неизбежно приводит к задаче выделения социальных общностей, в рамках которых протекает этот процесс.

В упомянутой дискуссии почти не был затронут вопрос о том, какие именно общности на различных этапах общественного развития и в разных конкретных социальных ситуациях могут служить основными носителями традиций, т. е. выполнять функцию стереотипизации материальной и духовной культуры. В самой широкой постановке эта проблема касается всей иерархии социальных общностей разных типов. Но если отойти от такого уровня абстракции и говорить лишь о традициях, входящих в предмет этнографического исследования, то особенное внимание, на наш взгляд, должно быть обращено на малые социальные группы — семью, территориальные и конфессиональные общины, внутриобщинные родственные, соседские и половозрастные группы и пр.

Процессу научного познания присуще сведение на определенной стадии изучения к простейшему, к элементу или хотя бы к малому в количественном отношении. Мы не рассматриваем здесь вопрос о самом понятии «малая социальная группа» во всей его сложности. Ограничимся лишь рабочим определением, необходимым для изложения нашей темы: это социальная общность, члены которой имеют постоянные непосредственные контакты. Обращение к малым социальным группам не означает, разумеется, противопоставления их этническим общностям в целом и не предвосхищает ответа на вопрос, какого уровня общности играют определяющую роль в хранении и передаче традиций следующим поколениям. Речь идет лишь о вычленении объекта на определенной стадии исследований. Рассмотрение процесса аккумуляции и трансляции тра-

¹ См. Сов. этнография, 1981, №№ 2, 3.

² Там же, № 3, с. 66.

диций в связи с деятельностью малых общностей означает познание системы включения человека в непосредственно окружающую его социальную среду.

Проблема роли устойчивых малых социальных групп вообще (как формальных, так и неформальных) в стабилизирующих процессах жизни этноса должна решаться этнографами, социологами и историками совместно. Все более утверждается мнение о том, что предмет этнографических исследований включает не только традиционную материальную и духовную культуру, но и социальный механизм ее воспроизводства, т. е. соционормативную культуру этноса.

Ставя задачу членения объекта исследования на малые социальные группы, определения группообразующих признаков, анализа структуры и функций этих групп, этнограф и историк обращаются к социологическим методам, которые при этом неизбежно смыкаются с методами и традиционными методиками этнографии, истории, вспомогательных исторических дисциплин³.

Следующий этап исследования — выявление способов, какими данная малая группа реализовывала функцию усвоения (или формирования), хранения и передачи традиций. Некоторые из этих способов носят всеобщий характер или присущи широкому набору общностей, другие свойственны лишь данной группе или определенному типу групп.

Выделение того или иного способа воспроизводства традиций ведет далее к анализу тех средств, которыми осуществлялся именно данный способ воздействия на индивидуума в рамках конкретного вида социальных групп. Иные из этих средств могут составлять систему, подлежащую анализу как в целом, так и в отдельных ее проявлениях. Так, влияние общественного мнения принадлежит к числу всеобщих способов воспроизводства традиций. Но самый механизм формирования общественного мнения различен не только в разных видах социальных групп, но нередко дифференцируется внутри одной группы по разным сферам традиционной культуры. Многообразно проявляется и воздействие уже сложившегося общественного мнения на индивида.

Из малых социальных групп в наибольшей степени и давно этнографы занимаются семьей и общиной в рамках изучения семейного и общественного быта. На данном этапе следует иметь в виду только большее внимание к одной из их функций — организации стереотипов группового опыта (в том числе охраны и передачи их). Семья и община реализуют эту функцию в тесном взаимодействии (при отсутствии какого бы то ни было вида территориальной общины роль семьи в этом плане резко возрастает). Изучение соотношения семья — община позволит увидеть также нижние ступени в иерархии обратного воздействия больших общностей на малые в процессе аккумуляции социального опыта.

Если о семье можно говорить как о простейшей социальной ячейке (мы абстрагируемся сейчас от возможностей дальнейшего членения исследователем некоторых типов семей на микрогруппы), то территориальная община может быть разложена на семьи и другие малые группы: более узкие соседские общности; родственные группы, выходящие за пределы семьи; межсемейные неродственные объединения на хозяйственной основе (для проведения некоторых видов работ, совладения постройками и пр.); возрастные, половозрастные и другие общности — все они должны учитываться при изучении развития традиций. На функционирование внутриобщинных групп накладывала свой отпечаток имущественная и социальная дифференциация. Еще более сложной предстает структура территориальной общины при отсутствии этнического или конфессионального единства.

Роли сельской общины в социально-экономических процессах уделялось немало внимания как в теоретических, так и в конкретно-историче-

³ Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. О соотношении истории, этнографии и социологии. — Сов. этнография, 1969, № 3; Дробизева Л. М. История и социология. М.: Мысль, 1974; Громыко М. М. О некоторых задачах исторической социологии. — Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук, в. 3, № 11, 1967.

ских работах. Гораздо менее исследовано значение этого института в этностабилизирующих процессах. Между тем территориальная община относится к числу социальных образований, которые на протяжении огромных исторических периодов и у подавляющего большинства этносов обладали (а в какой-то мере обладают и сейчас) ярко выраженной функцией воспроизводства традиций. Значение малой территориальной общины — селения в процессе воспроизводства этнической культуры неоднократно подтверждалось многочисленными историческими стихийно возникавшими «экспериментами»: оказавшиеся в условиях географической или этнической изоляции отдельные селения или группы селений устойчиво сохраняли традиции.

Ниже мы попытаемся представить некоторые итоги и задачи историко-этнографического изучения соседской общины в аспекте общей проблемы исследования социального механизма создания и передачи традиций. Наши положения основываются прежде всего на материалах истории сельской (территориальной, соседской) общины восточных славян периодов феодализма и капитализма, но могут быть отнесены к более широкому кругу этносов.

Основные функции сельской соседской общины могут быть сведены к следующему набору: земельно-хозяйственная, окладная (фискальная), охраны порядка, коллективного протеста, религиозно-этическая, культурная, воспроизводства традиций. Формирование, хранение, изменение и передача традиций выделяются как особая функция общины, реализуемая наряду с другими ее функциями, разумеется, условно. По существу процессы аккумуляции и воспроизведения традиций присутствовали при осуществлении каждой из названных функций.

Из-за относительной примитивности орудий труда, эмпирического характера знаний, высокой степени зависимости сельского хозяйства от природных условий во всем их локальном и микролокальном своеобразии самый процесс производства был невозможен без закрепления и передачи опыта традицией. Максимальная приспособляемость к специфике конкретной местности достигалась эмпирически за счет неповторимых по длительности сроков адаптации. Именно поэтому результаты такой адаптации заслуживают внимания и изучения и в наше время. Детализированные эмпирические знания особенностей отдельных территорий нередко позволяли фактически учитывать в комплексе такие многообразные факторы и их связи, научный анализ которых не завершен и сейчас. Процесс адаптации опирался на индивидуальный и семейный хозяйственный опыт, а также на коллективный опыт совокупности крестьянства определенного природохозяйственного района. Основной носительницей функции формирования, защиты, передачи из поколения в поколение сельскохозяйственного опыта являлась сельская община. В отборе оптимальных для данных условий способов и приемов ведения крестьянского хозяйства и в контроле за их соблюдением существенную роль играло то, что община имела право регулировать сроки и характер пользования комплексом земель, тяготевших к тому или иному селению. Регулирование эксплуатации лесов, пастбищ, отчасти лугов, рыболовных участков, мирских мельниц, плотин служило механизмом передачи определенных сельскохозяйственных норм. Применительно к пашенным землям возможности воздействия общины посредством прямых решений были меньше, хотя тоже реализовывались через пастьбу скота на жнивье после уборки хлеба, распределение ближних и дальних полей, выработку мнения о том, на каких участках целесообразнее высевать ту или иную культуру — в зависимости от ландшафта, направления ветров, микроклимата, характера почв. Коллективно вырабатывались и сохранялись нормы глубины вспашки, количества вспашек под ту или иную культуру на разных землях и т. п.⁴

⁴ Горская Н. А. Земледелие и скотоводство. — В кн.: Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1977, с. 43—98; Колесников П. А. Северная деревня в

Существенную роль в создании и воспроизводстве хозяйственных, этических и других традиций играли так называемые «помочи» и иные виды коллективных работ. Они способствовали внутриобщинному обмену конкретными производственными приемами и формированию общественного мнения, выделявшего наиболее искусных работников.

Не только в земледелии и скотоводстве, но и в добывающих промыслах община осуществляла контроль за соблюдением производственных сроков и норм, содействовала культивированию приемов и передаче их следующему поколению. Время ухода из селения на добывающие промыслы (что было связано с длительным отсутствием значительного числа взрослых мужчин) должно было органично вписываться в цикл сельскохозяйственных работ. Подготовка к отправке на осенне-зимний промысел промысловой артели проходила под контролем общественного мнения всего мира в целом. Общинные работы в рыболовных промыслах сохраняются не только в максимально изолированных и потому наиболее консервативных по социальному развитию районах, но по некоторым видам промыслов и в развитых в промышленном отношении регионах. Как и в земледелии, общие работы здесь были эффективной формой создания, сохранения и передачи коллективного опыта. В них закреплялась традиция, предъявлялись определенные требования к уровню мастерства. Степень жесткости контроля общины над добывающими промыслами была различной в зависимости от природохозяйственных и социальных условий. В земледельческих районах с далеко зашедшей социальной дифференциацией крестьянства действовала сложившаяся производственная традиция, основным транслятором которой продолжала оставаться сельская община, но практически контроль над всем процессом осуществляли уже хозяева неводов и рыболовных участков. Крестьянские общины и рыболовные артели предпринимали меры по улучшению условий лова. Например, строго следили за тем, чтобы никто не ловил в озере рыбу в то время, когда она стаями идет к устьям рек, чтобы подняться по ним для метания икры; опасались, что лов в этот момент спугнет рыбу, разбив ее косяки, нарушив движение их по традиционным путям (и соответственно воспроизводство рыбы). Именно это и происходило в некоторых районах, когда частное предпринимательство ослабило общинный контроль и действие обычного права.

С большой четкостью прослеживается значение традиций, когда община выступает как носительница согласованных действий протеста крестьян. Многочисленные коллективные челобитные от деревни в целом, отложившиеся в фондах местных и центральных учреждений России, например, являются убедительным свидетельством этой стороны деятельности крестьянских общин. Коллективный протест выражается, в частности, в связи с фискальными злоупотреблениями. Именно ради выполнения повинностей государство проявляло заинтересованность в сохранении общины, несущей расходы за «выбылых» и маломощных, поддерживало выборные крестьянские органы. Но крестьянство со своей стороны использовало сельские и волостные органы для ограничения тенденции роста эксплуатации и в этой своей деятельности опиралось в значительной мере на обычай. Обычай в качестве регулятора уровня эксплуатации функционировал прежде всего при посредстве общины.

В решении многих социальных вопросов для крестьянина основным фактором был обычай. В деловых бумагах разного типа постоянно встречаются ссылки крестьян на действия или права их прадедов, дедов и отцов для обоснования собственных поступков или прав. Это относилось как к общине, так и к отдельным лицам. В представлениях крестьянина цепь предшествующих поколений осознавалась как опора в нелегкой жизни труженика: «как они, прадеды и деды наши, так и мы,

XV — первой пол. XIX в. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976, с. 184—225; *Промыско* М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975, с. 25—157.

рабы ваши, в той деревне...», или «в прошлых давних годах прадеды, деды и отцы наши...», или «предки наши, деды и отцы, имели...» и т. п.⁵

Внутриобщинная охрана порядка реализовывалась преимущественно на обычно-правовой основе, следовательно, также была связана с аккумуляцией и трансляцией традиций.

Наиболее всеобъемлющим из средств реализации общиной рассматриваемой функции являлось общественное мнение⁶, регулировавшее поведение в соответствии с традициями. Мнение семьи, родственников, ближайших соседей, селения в целом и комплекса близлежащих селений — это регулятор поведения, оказывавший постоянное непосредственное воздействие на формирование и сохранение традиционных воззрений и соблюдение традиционных норм.

Разумеется, конкретный комплекс селений входил при этом в более крупные социальные, этнические и конфессиональные общности, являвшиеся создателями и носителями определенных взглядов и норм. Таким образом, шел постоянный процесс восприятия общиной извне стереотипов культуры, как и передачи за пределы общины ее вклада в общие этностабилизирующие процессы. Но мы рассматриваем сейчас социально-психологический механизм, непосредственно воздействовавший на каждого крестьянина. В повседневном общении, во время коллективных работ и коллективных праздников регулярно и естественно демонстрировались нормы поведения, осуждались или подвергались корректировке отклонения от них, исподволь вызревали изменения. В этом смысле община имела отношение ко всем без исключения традициям крестьянства. Но сверх этого был еще определенный круг социально-экономических, этических и религиозно-этических вопросов, регулируемых специально принятыми решениями общины; существовали формы и нормы поведения, которые поддерживались и защищались общиной, выступавшей в качестве определенного социального института, не посредством воздействия общественного мнения, а посредством принуждения.

Регулирующая роль общественного мнения в сохранении традиций наиболее конкретно может быть выявлена в результате исследования социальных аспектов индивидуальной репутации. При изучении этого вопроса необходимо сочетание источников, отражавших крестьянские идеалы, с конкретными документами, дающими выбор разнотипных репутаций, достаточно репрезентативных в локальном отношении.

Решение на сходке общины ряда вопросов, касающихся того или иного крестьянина, зависело в значительной мере от его репутации. В таких случаях скрытый в другое время механизм воздействия общественного мнения выступал в обнаженном виде, как и при обсуждении проступков общинников на сходке. Мнение, которое проявлялось открыто и определено на сходке, складывалось в общине постепенно. Повседневная жизнь мира давала достаточный материал для формирования суждений соседей. Община являлась в этом отношении относительно гибким механизмом: репутация, даже документально зафиксированная на сходке, нередко изменялась.

Значение общественного мнения четко осознавалось крестьянами. Вынесение безнравственных поступков на суд мира осуществлялось не только прямым обсуждением их на сходке, но и в других формах апел-

⁵ Зырянов П. Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории. В. VI. (Проблемы истории русской общины). Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976, с. 91—101; Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М.: Наука, 1976, с. 181—241; Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере (конец XVII — начало XVIII в.). М.: Наука, 1976, с. 84—191; Крестьянская община в Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1977; Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Л.: Наука, 1981; Пушкаренко А. А. Обычное право позднефеодальной эпохи. — В кн.: Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983, с. 18—23; Крутиков В. И. Правосознание крестьян и его отражение в крестьянском движении. — В кн.: Социально-политическое и правовое положение крестьянства...

⁶ Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука, 1967, с. 238.

ляции к соседям. По существу любое сколько-нибудь широкое собрание в деревне (от крестин до поминок и от хороводов до помочей) могло послужить ареной для апелляции к общественному мнению. При этом широко использовались художественные формы для выражения претензий и похвалы, поскольку крестьяне в массе своей свободно владели множеством фольклорных форм, умели импровизировать в рамках различных жанров. Претензия, выраженная в традиционной фольклорной форме, соответствующей обстоятельствам, считалась уместной там, где был бы совершенно невозможен прямой выпад «на людях». Так, похоронные причитания использовались иногда для воздействия на формирование общественного мнения по отношению к живым.

Репутация девушек и парней находила отражение, например, в величальных песнях, исполнявшихся в хороводе, а песни эти в свою очередь способствовали созданию и закреплению каких-то элементов репутации и т. д. Репутация в значительной степени зависела от владения трудовыми навыками. На общих сенокосах, на помочах и других коллективных работах проявлялись индивидуальные возможности — сообразительность, ловкость, сила, виртуозность в отдельных приемах. Представления об умелости практически каждого крестьянина в ведении хозяйства в целом или в том или ином виде занятий формировались в общине и по результатам труда, и не только в хозяйстве, но и в побочных, однако существенных для репутации занятиях. Так, мнение односельчан о девушке как о работнице, которое непременно учитывалось при выборе невесты, складывалось и непосредственно при наблюдении ее работы, и опосредованно — по ее изделиям: у всех на виду была ее одежда собственного изготовления, с богатой отделкой в праздничном варианте. Специальный осмотр женщинами общины девичьего рукоделия осуществлялся, в частности, во время «выставок» невест и т. п.

Подростки рано приучались к различным видам труда. Над теми из них, кто не овладел мастерством, соответствовавшим, по местным представлениям, его возрасту, начинали насмехаться. О постоянном воздействии общественного мнения в этой форме свидетельствуют, например, насмешливые названия для неумелых людей различного возраста, прочно вошедшие в диалекты разных языков. Таким и другим способами община продолжала прививать детям и подросткам традиционные трудовые навыки, начало которых было заложено в семье.

Контакты молодежи находились под постоянным контролем старших, всех жителей селения. Иногда это выражалось в непосредственном наблюдении и участии (активность «зрителей», окружающих хоровод, сопровождающих «окликал» или присутствующих на праздничных посиделках), но еще более — в давлении общественного мнения, в осознаваемой каждым молодым человеком позиции общины в целом.

Наряду с репутацией отдельного лица в общине, а отчасти и за ее пределами формировалась и довольно устойчиво сохранялась репутация семей, нередко переходившая из поколения в поколение. Наконец, и сама община имела определенную репутацию среди окружающих селений. В бытовавших в округе характеристиках отражались отдельные специфические черты традиций конкретного селения. Но кроме того, существовала оценка деревни в целом по общепринятой шкале нравственных ценностей, и о ней нередко заботилась община, обсуждая на сходке те или иные вопросы. Характерен в этом отношении довод, приводившийся при увещевании сходкой родителей девицы зазорного поведения: страдает репутация других девушек селения.

Широкий комплекс воззрений, норм обычного права, норм повседневного поведения, связанный с положением стариков в общине, их авторитетом, отношением к ним, представляет собой составную часть системы, посредством которой осуществлялась общиной функция воспроизводства традиций. Этот круг вопросов подводит исследователя к анализу норм поведения во взаимоотношениях поколений.

Огромная роль преемственности, накопления опыта и межпоколенной передачи его в сельском производстве определяет связь указанного

комплекса с социально-экономической жизнью деревни. Знание сроков и характера сельскохозяйственных работ во всем многообразии их дифференциации применительно к климату, микроклимату, особенностям культур и особенностям года; владение во всей необходимой полноте навыками и приемами обработки полей и готового продукта, ухода за скотом, работы на промыслах и пр.— все это шло от старшего поколения. При отсутствии или слабом применении достижений науки и техники традиционность лежала в основе производства, отсюда — авторитет стариков в семье и общине и соответствующие традиции.

Старики хранили сведения об объеме повинностей, выполнявшихся дедами и отцами, что было важно для сопротивления увеличению ренты. В районах, где колонизация была недавним или продолжавшимся еще процессом, почтению к предкам способствовала их репутация как основателей селений, осваивавших данную территорию. Но и в местах давнего заселения предок — основатель данного хозяйства, строитель данного дома и пр.

Крестьянскому сознанию было свойственно при сопоставлении поколений отдавать предпочтение предшественникам. Уважительный тон по отношению к предкам был принят и в повседневных суждениях. Общий взгляд на предшественников согласовался с отношением к живым представителям старшего поколения. Авторитетом их решались основные дела на сходке и в неразделенной семье. Из стариков состояли неформальные органы власти в общине: «суд стариков», или наиболее авторитетная «фракция» сходки. В нормативы крестьянской этики входила задача угодить старикам. Отсюда шел и определенный стиль поведения самих членов старшей по возрасту и авторитету группы общины: известная уверенность в себе, опиравшаяся на осознание значения своей возрастной группы в жизни общины и определявшая в значительной мере отношение к молодым.

Место предков в крестьянском мировоззрении отражалось на нормах поведения младших по отношению к старшему поколению. Религиозно-нравственные идеи монотеистических религий, а также сохранение элементов культа предков освящали преемственность, верность традиции, заветам дедов и отцов. Обращение к предкам, (как бы приобщение умерших к празднествам) входило органично во все календарные обычаи: в единстве жизненных циклов человека и природы участвуют давно и недавно ушедшие из жизни. В народном мирозерцании к естественной смене возрастов, воплощавшейся во многих обрядах, подключалось и посмертное существование: циклы внутри жизни одного поколения и циклы «жизнь — смерть — новая жизнь» (новая жизнь как в смысле смены поколений, так и в смысле участия усопших в жизни живых). Соблюдение всех принятых знаков внимания к предкам есть залог благополучия — такое представление, несомненно, сказывалось на контактах со старыми людьми, приближавшимися к смерти. В этом сущность связи поминальной части календарной обрядности с комплексом этических традиций, регулирующих взаимоотношения поколений.

Старики чаще всего были главными авторитетами в религиозно-нравственной и обрядовой традиции. К старшему возрасту принадлежали обычно и ведуны, и знахари, оказывавшие определенное влияние на взаимоотношения и настроения односельчан. Но здесь уже вступает в силу не только и не столько авторитет стариков, сколько другое средство реализации рассматриваемой функции общины — закрепление в общине за конкретными лицами ряда ролей, непосредственно связанных с соблюдением традиций.

В системе индивидуальных репутаций в селении особое место занимало мнение о лицах, отличавшихся склонностью, способностями к выполнению постоянных ролей в календарных или семейных обычаях, в праздничных развлечениях и т. д. В большой степени персонификация обрядовой роли проявлялась в отношении свадебного дружки. Дружкой обычно был человек одаренный, обладавший актерским талантом, организаторскими способностями, знанием множества фольклорных тек-

стов и, наконец, репутацией ведуна. Он не только знал и направлял в течение нескольких дней свадебное действо, в котором сам играл ведущую роль, но нередко и обладал в глазах крестьян своей общины некоторой сверхъестественной силой, позволявшей ему исполнять магические действия с целью защиты от возможных напастей (в частности, от действий колдунов) жениха и невесты, затем новобрачных.

Зачастую за определенными лицами в селении было закреплено и исполнение функций свахи жениха, свахи невесты, свадебных «стиховодниц», иногда и «полудружья» — помощника дружки и некоторых других свадебных чинов. «Знающие» свахи, как и дружки, реализовывали по существу контроль общины за соблюдением традиций в семейных обрядах.

Хранителями общинных традиций выступали и конкретные лица, постоянно исполнявшие роли основных персонажей календарных обычаев и обрядов: главные роли в масленичном карнавале, роли вожаков рождественских обходов дворов, заводил-хороводниц и т. п. Такие крестьяне — как бы живое воплощение традиции, блюстители обычая, хранители эталонов поведения.

В число персональных носителей традиций, несомненно, входили и бабки-повитухи. К ним принадлежали и знахари (знахарки). Знатоки народной медицины и ветеринарии, примет, они были, как правило, одновременно исполнителями некоторых обрядов. Их известность обычно выходила за пределы селения, как и репутация крестьянина-пустынника или праведника, поселившегося на краю деревни или в стороне от нее, дававшего приходившим к нему советы, религиозно-нравственные наставления. Далеко перешагивала границы сельской общины и слава мастеров художественных промыслов, сказителей былин (непрерывная преемственность в хранении традиций конкретными сказителями прослеживается от XVIII в. до наших дней в так называемых школах сказителей)⁷. Однако и эти репутации изначально формировало общественное мнение «одного» селения.

Воспроизводство традиции в хозяйственной сфере определялось наряду с другими факторами огромной ролью определенного трудового ритма. Имеется в виду ритм в широком значении этого слова, включающий соотношение сезонных работ, режим дня, согласованность отдельных этапов трудового процесса и пр. Устойчивый трудовой ритм был закреплен длительной традицией, находил идеологическое обоснование в крестьянском мировоззрении, контролировался семьей (семья здесь выступала как первичный трудовой коллектив), артелю, общиной. Оптимальный для данных природохозяйственных и социальных условий трудовой ритм в сочетании с детальным эмпирическим коллективным знанием особенностей региона давал возможность достигать необходимых производственных результатов. Внутрисемейные и общинные этические представления и нормы, связанные со взаимоотношениями и поведением в сфере хозяйственной деятельности, во многом были подчинены этому ритму, задаче его соблюдения, сохранения.

Нормами, регулировавшимися не только общественным мнением, но и прямыми решениями общины (в пределах, допускаемых традицией), определялось многое в поведении крестьян в начале крупных сезонных сельскохозяйственных работ (например, начало сева), в ходе своеобразного соревнования (взаимоотношения косцов на лугу и др.), при окончании отдельных работ (завершение жатвы и пр.); традицией регламентировалось и соотношение праздничных элементов с работой в ходе трудовых процессов.

Началу основных сельскохозяйственных работ придавалось огромное значение. Правильное поведение при зачине должно было, по мнению крестьян, обеспечить успех в дальнейшем, предотвратить возможные неприятности и стихийные бедствия. Большинство факторов, от ко-

⁷ Чистов К. В. Русские сказители Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1980; Чичев-ров В. И. Школы сказителей Заонежья. М.: Наука, 1982.

торых зависел успех сельскохозяйственной деятельности, касалось не отдельного хозяина, а всего селения, полей общины в целом. Отсюда возникало стремление оградиться от стихийных бедствий и других невзгод не только каждому в отдельности, но и всем миром вместе. Ведь неправильное поведение отдельного общинника могло вызвать неблагоприятные последствия, которые сказались бы на всех. К сверхъестественным силам обращались «всем обществом», чтобы обеспечить благополучие полей. Наличие религиозно-этического элемента среди многообразных функций соседской общины особенно четко проявляется в связи с началом определенного цикла сельскохозяйственных работ (проведение обряда всей общиной, приглашение причта на мирские деньги, назначение на сходке человека для проведения первой борозды, для «зажина» и т. п.).

Религиозно-этическая функция общины, выступающая обычно в органической связи с функцией воспроизводства традиций, прослеживается также в ее запретных и ограничительных установлениях, касающихся определенных дней. Степень вмешательства общин в вопросы полного или частичного запрета работ в воскресенье, праздничные и некоторые другие дни в отдельных селениях сильно различалась. Диапазон различий простирался от мягко выраженного общественного мнения до четкого контроля и наложения штрафов.

Традиция заповедных дней уходила корнями в глубокое прошлое. Тем не менее общинный контроль над нею устанавливался периодически на сходах заново, многие запреты не рассматривались крестьянами как нечто само собой разумеющееся и установленное раз и навсегда. Представления крестьян о том, какие виды работ и каким именно способом нельзя выполнять в праздничные и воскресные дни, имели множество оттенков и нюансов. Например, ходить в лес на охоту, а также за грибами и ягодами в праздники разрешалось. Крестьяне не считали эти занятия работой. Работать же в лесу — валить деревья, рубить дрова и пр. — запрещалось. Печь хлеб в праздничный день считалось грехом, а печь пироги разрешалось.

Штрафы нарушителей общинного приговора о праздничных днях различались в зависимости от того, где застали виновного работающим. Так, запрещалось работать в праздники своим семейством; если же крестьянин собирал помочи, то он не считался нарушителем. Сходка устанавливала, при каком минимальном числе приглашенных помощников коллективная работа может расцениваться как помочи (при малом числе помощников работу относили к делам семейным). Например, местами приглашение семи и более человек считалось помочами; при меньшем числе помощников община брала с хозяина штраф. Работа в праздники и воскресенья по найму — «на поденщине» допускалась. Даже там, где осуждался труд в «заказные дни» не только «для себя», но и по найму, исключение составляли отработки самой общины — за сенокосы, за быков, за потравы и пр.

Нарушитель запретов должен был сознаться в своем проступке и просить прощения у «общества». В этом случае с него брали штраф соответственно принятому сходом постановлению. Если же он пытался скрыть нарушение, запирался и был уличен, то штраф взимался в двойном размере. В этом вопросе, как и в других, община решительно боролась со всяким обманом мира. Попытки ввести в заблуждение общественное мнение неизменно вызывали резкое осуждение крестьянского коллектива.

Кроме общепринятых праздников запреты на отдельные виды работ крестьяне связывали, как известно, с днями некоторых святых, сказания о которых как-то соотносились с тем или иным запретом. Особое место в крестьянских представлениях о том, в какие дни нельзя работать, занимали пятницы. Сложный комплекс норм поведения в пятницу принял в себя элементы дохристианских, христианских (апокрифических и православных) воззрений на этот день недели. Набор работ, допустимых и не допускавшихся в пятницу, в разных местах существенно

различался. Кроме того, под напором насущных сельскохозяйственных потребностей делались отступления, и потому подчас бытовали противоречивые представления в рамках одних и тех же видов работ.

Активным способом реализации соседской общиной функций хранения, передачи и развития традиций было совместное проведение всем селением (или даже группой соседствующих и тесно связанных хозяйственной деятельностью и постоянным общением селений) многих календарных праздников. Отдельные элементы праздника могли выполняться различными внутриобщинными группами (семьями, объединениями по полу или возрасту, родственными совокупностями), но в целом празднество разворачивалось в рамках общины, с участием всех жителей, подчинялось определенной последовательности и неформальному контролю мира.

В семейно-личностных отношениях община выступала в качестве блюстителя традиций не только через повитух, знахарей, дружек, свах и других постоянных исполнителей ролей в обрядах, но и коллективно — за счет непосредственного участия значительной части жителей, наблюдения остальных и т. п.

Представляется целесообразным строить изучение способов и средств реализации общиной (как и другой малой социальной группой) функции по воспроизводству традиций в органичной связи с конкретными формами коллективного общения. Нормы поведения молодежи, например, определялись традициями, сохранившимися и развивавшимися в рамках этнической и социальной общностей в целом и локальными их особенностями; возрастная специфика вносила коррективы и дополнения в общую систему этических взглядов и норм поведения; в зависимости от того, в ходе ли трудовых процессов или на досуге происходило общение, включались новые самостоятельные системы, воздействующие на поведение личности и коллектива (так, применительно к досугу это — правила игры, закономерности художественного жанра, структура и семантика обряда и пр.). Учет действия всех этих факторов в одной системе можно воспроизводить конкретные формы общения.

Наряду с общением в четко зафиксированных, закрепленных традицией формах, связанных, как правило, с обрядами (например, братчины, или кануны), бытовали неформальные коллективные встречи, возникшие стихийно или подготовленные, но не имевшие жесткой структуры, определяемой обычаями. Если формальные или неформальные встречи охватывали лишь часть общины, здесь все равно было так или иначе представлено общественное мнение селения в целом, и результаты происходившего на них обмена мнениями становились достоянием мира.

Процесс освоения новых земель, включения их в социально-экономическую жизнь страны сопровождался постоянным воспроизводством определенных этнокультурных традиций, сложившихся на территории, давно освоенной данным этносом. В территориальной трансляции традиций сельская община тоже играла существенную роль. В местах выхода переселенцев это выражалось в коллективном обсуждении предстоящего переселения, в отправке на разведывание новых мест представителей общины, в установлении связей с уже переселившимися на новые места односельчанами, в подготовке переезда. Даже в пути, если мигрировали компактные группы, территориальная община продолжала функционировать как регулятор традиционного поведения. На новых местах в этом случае действовала та же община, и через нее шел процесс адаптации традиционной культуры к новым условиям. Если в новом селении объединялись разрозненные семьи переселенцев или разные группы их, то в рамках новой территориальной общины в первую очередь шла консолидация пришлых элементов, закрепление и видоизменение принесенных обычаев.

Сельская община, пройдя многовековой путь развития и сохраняя определенную преемственность с общиной-маркой раннего средневековья, становится затем органичным звеном разных этапов развития социально-экономической структуры феодального и даже капиталисти-

ческого общества, трансформируясь по мере развития новых отношений. В рамках традиционных форм развивалось новое историческое содержание, рождавшее новые формы, становившиеся тоже традицией, но более позднего этапа общественного развития.

Территориальная община относится к числу социальных групп, достаточно глубоко подчинявших себе личность. Однако и здесь оставались возможности для инициативы (хозяйственные усовершенствования, в частности связанные с наблюдениями за природой и приспособлением к ее местным особенностям, внутриобщинная гражданская деятельность, легальный выход в макромир, самовольные переселения и пр.), протеста (восстания, отказ от выполнения повинностей, побег, наказания, челобитные, доверенности и пр.), индивидуального художественного творчества. За исключением экстремальных ситуаций (отдельные моменты восстаний, борьбы с иноземцами, разбойниками), инициатива, творчество, протест тоже укладывались, как правило, в традиционные нормы поведения, на страже которых стояла община, но создавали при этом вариативность, неизбежно сопутствовавшую традиции⁸, и способствовали в конечном счете изменению самой традиции.

Роль сельской общины в хранении и передаче традиций имеет аналогии в деятельности других малых территориальных общностей — небольших городов, поселков, частей городов, кварталов.

Обширный круг вопросов, подлежащих исследованию, связан с изучением общественного мнения в современном селе и способов воздействия на его формирование. В этом аспекте особое значение приобретает анализ механизма формирования общественного мнения в малых социальных группах — в первичных ячейках сельского производственного коллектива, в деревне, в колхозе и т. п. Неслучайно на современном этапе возросла роль сельских сходов. Заметную роль в формировании общественного мнения в сельских условиях играют малые неформальные группы — авторитетные старики, соседи, женские и молодежные компании и т. п. Некоторые из групп такого типа являются наиболее активными носителями традиций. Задача состоит в изучении как исторического развития, так и современного механизма формирования общественного мнения малых социальных групп.

⁸ Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1983, с. 143—169.